

III. Страницы новейшей истории

Александр Ватлин

“Союз польских патриотов”: механизм одной мистификации НКВД в годы Большого террора

Историки не перестают спорить о соотношении рационального и иррационального в сталинских репрессиях 1937-1938 гг., выстраивая сложные схемы и взаимозависимости, ведущие из Кремля на Лубянку¹. Рассекречивание документов Президентского архива, протоколов Политбюро и приказов НКВД того периода позволило реконструировать реальную картину насаждения в стране “террора сверху”, поставить крест на расхожих формулах типа “Сталин ничего не знал”, “массы жаждали номенклатурной крови” и т.п. Вместе с тем, практически неисследованным остается “террор снизу” - выполнение рядовыми структурами госбезопасности “контрольных цифр на аресты антисоветских элементов”, спускавшихся из Москвы до самого последнего района точно так же, как разрядки на посевы картошки и сбор металлолома.

Предлагаемый читателю сюжет взят из практики Московского управления НКВД в 1937-1938 гг. и основан на материалах архивно-следственных дел, переданных из архива ФСБ на государственное хранение. Речь идет о фальсификации, типичной для практики ежовских следователей - о “националистической шпионской контрреволюционной организации”, за принадлежность к которой в один день было приговорено к смерти, а затем и расстреляно несколько десятков человек.

Все они были советскими гражданами, но поляками по национальности, все учились в московских вузах и готовились влиться в “широкий поток строителей социализма”. Общность их трагической судьбы позволяет увидеть технологию сталинского террора с характерной для него масштабностью, многообразием критериев отбора потенциальных жертв и в то же время произволом и штурмов-

---

¹ Анализ новейшей российской историографии по теме дан в статье: J.Baberowski. Wandel und Terror: die Sowjetunion unter Stalin 1928-1941. Ein Literaturbericht. In: Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas, Bd.43, 1995, S.97-129.

щиной, доведившими до абсурда запланированные в Политбюро меры “профилактической чистки”².

Действительно, на местах выполнение органами НКВД плановых заданий на ликвидацию “врагов народа” превращалось в лотерею смерти, в которой участвовали все, независимо от возраста, пола, гражданства или партийности. И все же существовали особые “группы риска”, шансы которых попасть под каток репрессий были особенно высоки. Традиционно к этим группам относили “бывших”, т.е. лиц дворянского и буржуазного происхождения, а также подлинных и мнимых сторонников внутрипартийных оппозиций 20-х годов. Лишь в последние годы стало очевидным, что на одном из первых мест в этом списке находились так называемые “лица враждебной национальности” - немцы, прибалты, финны, румыны и многие другие. В силу того, что государства, где эти нации были титульными, занимали враждебную позицию по отношению к СССР, все те, кто имел какое-либо отношение к ним, рассматривались в качестве потенциальной пятой колонны и подлежали тотальной “чистке”.

Но иерархия в “группе риска” не заканчивалась и на этом. Особняком среди “враждебных” наций стояли проживавшие в СССР поляки, массовый террор в отношении которых регулировался специальным приказом наркома внутренних дел Ежова от 11 августа 1937 г. за номером 00485. Исследователи общества “Мемориал” справедливо отмечают, что “этот приказ стал “модельным” по всем последующим национальным операциям... Польская операция была не только первой, но и самой крупной из них по числу жертв. Это может быть объяснено тем, что Польша на всем протяжении 1920-х-1930-х гг. безусловно ощущалась самым опасным из государств - непосредственных соседей, что существовал глубоко укоренившийся миф об особом коварстве Польши, что перебежчиков из Польши было в СССР намного больше, чем из любой другой страны”³.

Одобренный специальным решением Политбюро приказ № 00485 нацеливал органы НКВД на сплошные аресты среди лиц, имевших хоть какое-то отношение к Польше, исходил из наличия в Советском Союзе разветвленной шпионско-диверсионной сети этого государства и требовал ее беспощадного уничтожения. О том, как на практике реализовывались подобные установки сталинского режима, продолжавшего заявлять на весь мир о своей преданности принципам интернационализма, и пойдет речь ниже.

---

² Это выражение употреблял впоследствии применительно к террору один из ближайших соратников Сталина в те годы В.М.Молотов - См.Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника. М., 1991, с.391,416.

³ Репрессии против поляков и польских граждан. Исторические сборники “Мемориала”. М., 1997, с.33-34.

Первый заход

Жили в Москве три товарища, учились в столичных вузах, вместе занимались спортом, готовили нехитрую студенческую еду, переписывали друг у друга конспекты... И было это осенью 1937 года, и проживали два поляка и один казах в комнате номер 124 Всехсвятского студенческого городка. Наверное, стены этой комнаты слышали немало ночных разговоров, выходящих за рамки передовиц “Правды”. Стены молчали, но исправно “стучал” на своих товарищей один из ребят - не будем называть его имени, ограничимся указанием на то, что его нет в прилагаемом списке жертв польской фальсификации органов НКВД.

В октябре 1937 г., после того как были разгромлены кадры польской компартии и политэмигрантов, “изъяты” все поляки, работавшие на оборонных заводах, очередь дошла и до студентов. В структуре московского управления госбезопасности они находились под неусыпным контролем (или на жаргоне работников НКВД - на “чекобслуживании”) специального молодежного подразделения секретно-политического отдела. Руководители именно этого отделения, именовавшегося в целях конспирации “седьмым отделением четвертого отдела”, в чине от сержанта до младшего лейтенанта госбезопасности и стали творцами мифического заговора польских студентов. Правда, национальную окраску ему удалось придать не сразу.

Арестованные поляк Каленковский и казах Тазабек Юсупов под давлением следователей быстро сознались и в антисоветских разговорах, и в создании контрреволюционной организации (возглавлял ее по сценарию следствия тот, третий). Речь о шпионаже и терроре пока не шла. Шанс развернуть “серьезное дело” появился тогда, когда на Лубянку попали два Ивана - Пикульский и Грабосинский, закончившие в 1936 году Польское отделение рабфака имени Ленина (ПОРЛ) и нередко посещавшие своих знакомых в роковой комнате номер 124. Там же бывал и арестованный вместе с Грабосинским будущий военный ветеринар Евгений Возняк.

Агентурные донесения на всех троих, собранные к моменту ареста, свидетельствовали об их рискованных высказываниях - и только. Грабосинский позволял себе позитивные оценки в адрес Рыкова и Бухарина, отметив однажды, что “при такой обстановке и Сталин может оказаться врагом народа”. Пикульский на допросах не отрицал своих настроений: “Я высказывал такое мнение, что советские газеты не всегда пишут правду, кроме того, я высказывал мысль о том, что мне очень трудно учиться, стипендия маленькая и в силу этого приходится отрываться от учебы и ходить зарабатывать деньги”.

На сороковой день после ареста следователю удалось заставить Пикульского признаться и в более ярких заявлениях: “Во время парада наших воздушных сил я говорил, как красиво летят самолеты в мирное время, но как из них будут лететь разные части во время войны”. Однако все арестованные отказывались гово-

речь о своем участии в контрреволюционной организации, на чем настаивали допрашивавшие их сотрудники НКВД.

В момент пика массовых репрессий признания обвиняемых лишь по десятому пункту печально знаменитой 58-й статьи (антисоветская агитация) рассматривались как явная недоработка следствия. Для выполнения одобренных Политбюро лимитов на расстрелы требовались вредители, шпионы и диверсанты, и следственный аппарат НКВД подгонял решение задачи под готовый ответ. Показания Юсупова оказали медвежьей услугой оперативным работникам седьмого отделения - делу не удавалось придать национальный оттенок. Чтобы нейтрализовать сопротивление выпускников ПОРЛ, во второй половине ноября 1937 г. на Лубянку в качестве свидетелей вызывались практически все их товарищи по рабфаку. Механизм запугивания действовал безотказно - следственные дела распухали, наполняясь фактами контрреволюционных настроений обоих польских студентов.

Несмотря на то, что признание от них самих так и не было получено, утвержденное 9 декабря 1937 г. заместителем начальника Главного управления госбезопасности Московской области Якубовичем обвинительное заключение по делу № 3073 ставило в вину всем троим "участие в контрреволюционной фашистской группе из студентов". Из-за казаха Юсупова назвать ее польской фальсификаторы с Лубянки не решились.

Следующим этапом в судьбе трех поляков стало попадание кратких справок по их делу в "альбом" - список на очередную партию жертв массового террора, представлявшийся в комиссию наркома внутренних дел и Прокурора СССР. Двух подписей оказывалось достаточно, чтобы упомянутые в каждом "альбоме" сотни людей отправлялись на расстрел. Согласно показаниям арестованного в 1938 г. начальника НКВД Московской области Реденса, при помощи альбомного метода "за несколько часов мы разбирали 500-600, а то и тысячу дел, и решение по ним было окончательное... Как правило, 95% была высшая мера наказания. Затем писался протокол и давался на подпись Ежову. Ежов, как я сам неоднократно видел, их не читал, приоткрывал последнюю страницу и со смехом спрашивал Цесарского (ответственный секретарь Особого совещания при НКВД - А.В.), сколько тут полячков...".

Трудно сказать, почему анкетные дела на Возняка, Пикульского и Грабосинского попали в "альбом", подписанный Ежовым и Вышинским лишь 15 февраля 1938 г. Вряд ли сотрудники седьмого отделения сознательно затягивали передачу дел на "двойку", рассчитывая дополнить их хлипкое содержание новыми обстоятельствами. Скорее другое - внесудебные органы массового террора перестали справляться с потоком "альбомов", присылавшихся на Лубянку со всех концов Советского Союза. Тюрьмы были переполнены людьми, ожидавшими решения своей участи, и уже не вмещали нового пополнения. Зимой 1938 "тройки" и "двойки" активизировали свою работу, чтобы подготовить "посадочные места"

для “весеннего призыва” - 31 января Политбюро по предложению НКВД утвердило дополнительные лимиты на репрессии.⁴

Судьбы трех московских студентов, “полячков”, как презрительно выражался Ежов, были лишь крошечной песчинкой в этом урагане смерти. Приговор к высшей мере наказания поставил точку в жизни трех четвертей всех полячков, арестованных по приказу № 00485⁵.

Обстановка в органах НКВД на гребне борьбы с “национальной контрреволюцией”

Первые месяцы реализации этого “новаторского” приказа показали, что оперативные работники НКВД на местах, соблюдая формальности следственного процесса, не могли вытянуть “контрольные цифры”. Об обстановке в райотделах наркомата свидетельствует следующее признание Косарева - оперуполномоченного отдела контрразведки (“третьего”) в Московском управлении наркомата:

“Обстановка в отделе вследствие частой смены начальников была очень напряженная, арестованных было очень много, дела передавались от одного к другому, следствие по делам велось обезличенно, одного арестованного допрашивали несколько человек и при этом применялись незаконные методы следствия - избиение. Нормы УПК в процессе предварительного следствия не соблюдались, да мы их и не знали. Уголовно-процессуального кодекса, как я помню, у меня в отделении не было, следствие проводили по указанию руководства или так называемых старших, которых прикрепляли к нам. Начальник управления Заковский требовал от оперативного состава проводить следствие более активно, ... говорил, что нельзя допрашивать в “белых перчатках”⁶.

Маховик террора требовал более масштабных фальсификаций, уже никак не связанных с “отправными точками” агентурных донесений об антисоветских высказываниях. Появился спрос на разветвленные шпионские сети и массовые диверсионно-террористические организации, и он методично удовлетворялся. Следователи районных и областных органов госбезопасности, естественно, не получали готовых инструкций на этот счет. Их заменяли еженедельные “конференции” и “проработки” в вышестоящих инстанциях, где тиражировался опыт передовиков и оказывалось давление на отстающих. После ареста Заковского в адрес новых руководителей Московского управления поступила настоящая лавина рапортов и служебных записок от тех его подчиненных, которые таким образом стремились обезопасить себя от ареста. Вот типичный пример подобного рода при-

---

⁴ Хлевнюк. О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996, с. 190.

⁵ Репрессии...с.33.

⁶ Из архивно-следственного дела № 24722.

знаний, датированных 8 мая 1938 г. и вышедших из-под пера старшего лейтенанта госбезопасности Ильина, впоследствии арестованного:

“Арестовывать разрешалось кого угодно и сколько угодно, в существо следственного дела руководство не смотрело, а ставилась одна задача - ни одного не сознавшегося... Малейшее отступление, или невыполнение “лимита”, несло за собой соответствующее внушение. Выработанная в Управлении система отчетности и рапортов о проделанной за сутки оперативно-следственной работе вызвала нездоровые методы соревнования по количеству арестованных и полученных признаний. Руководством ставилась задача догнать Ленинград, т.е. давать по Московскому Управлению не меньше 200 признаний за сутки. Отсюда вытекала необходимость производства большого количества непродуманных арестов. Арестовывались латыши, немцы, поляки, а в результате арестованные оказывались русскими или евреями”⁷.

В обстановке штурмовщины, когда “национальную контрреволюцию” вычисляли буквально по фамилиям в телефонных справочниках, на Лубянке вновь вспомнили о подшефном учреждении - Рабочем факультете имени Ленина, который закончили арестованные осенью и приговоренные к расстрелу студенты. Стремясь любыми методами выполнить плановые цифры репрессий, начальник молодежного отделения В.А.Смирнов засел за работу. Оказавшись вскоре после смены Ежова Берией под арестом, он так описывал на допросе 19 мая 1939 г. ее результаты:

“В конце 1937 г. агентурная разработка на группу студентов польского отделения рабфака имени Ленина частично была ликвидирована, т.е. было арестовано около пяти человек. В процессе следствия эта группа частично признала себя виновной в антисоветской агитации, и участники группы более о себе ничего не говорили. В тюрьме они сидели 3-4 месяца и в феврале 1938 г., т.е. в момент разворота борьбы с националистической контрреволюцией и применяя методы физического воздействия, мы от этих арестованных добились показаний о том, что они проводили подготовку террористических актов над руководителями партии и Советского правительства, а также занимались шпионажем в пользу Польши. Добившись этих показаний, мы начали разворот этого дела. Всего по этой группе было арестовано около 30 человек”⁸.

Обратимся к материалам следственных дел польских студентов, чтобы в деталях восстановить реализацию этого “разворота”. Как в капле воды отражается океан, так и в этой истории отразилась вся технология работы ежовского НКВД - уникальная не только по своим масштабам, но и по своей примитивности.

---

⁷ Копия рапорта Ильина находится в архивно-следственном деле № 20625 на Москович Х.В.

Мертвые свидетельствуют против живых

Признания арестованных осенью 1937 г. выпускников Польского отделения рабфака имени Ленина в существовании там “контрреволюционной фашистской группы” являлись необходимым, но не достаточным условием новой волны арестов. Сфальсифицированную организацию должен был возглавить солидный человек явно не студенческого возраста, да еще и имеющий выход на репрессированных лидеров компартии Польши, которой и должно было поставлять кадры ПОРЛ.

Самой подходящей кандидатурой оказалась Янина Ивановна Комаровская, полька, начальник учебной части ПОРЛ. Являясь членом ВКП(б) с 1918 г., она имела солидные связи в руководстве Коминтерна. Именно по ее инициативе в 1934 г. и было создано ПОРЛ, она лично ездила в места компактного проживания поляков в Киевской и Винницкой области для отбора абитуриентов. В мае 1937 г. был арестован ее муж, работник НКВД, а 21 сентября арестовали и ее.

Следователям удалось выбить из Комаровской признания, что она с 1905 г. являлась членом тайной националистической организации “Польской организации войсковой”. Тот факт, что Комаровской тогда было всего 15 лет, во внимание не принимался. Еще одно преступление, в котором она созналась, - “в детстве я сидела на коленях у Пилсудского, когда он заходил к моим родителям”. Обвинительное заключение по делу Комаровской венчала фраза о “связи с врагом народа Ягодой”, хотя на допросах Янина Ивановна показывала, что с будущим наркомом она всего лишь проживала вместе в коммунальной квартире в то время, когда тот был простым инструктором в аппарате ЦК РКП(б).

Любого из этих признаний в 1937 г. хватило бы для смертного приговора. Комаровскую расстреляли 22 декабря, и дело ее было сдано в архив. Как оказалось, ненадолго. Через два месяца его использовали для того, чтобы перекинуть мостик от уже разоблаченных “заговоров” к новым репрессиям. Мертвый свидетель обвинения уже ничем не сдерживал фантазию палачей. Следовало лишь инициировать с его помощью цепную реакцию признаний. Вот здесь и пригодились ожидавшие вывода на расстрел бывшие студенты польского отделения рабфака. Можно с большой долей уверенности предположить, что на допросе 27 февраля им намекнули на то, что приговор можно и изменить, если они подпишут нужные показания.

“Живые мертвые”, они подписали всего один протокол допроса, и машина арестов закрутилась с невиданной скоростью. В ход пошло все - и проживание вместе, и занятия в стрелковом кружке, и разговоры на польском языке. Те знакомые и однокашники, кто в ноябре 1937 г. выступал свидетелем против “первого набора”, теперь оказались на Лубянке уже в качестве обвиняемых.

---

⁸ Копия протокола допроса Смирнова находится в архивно-следственном деле № п-72847 на Пичмана С.К.

Цепляясь за жизнь, польские студенты не могли отдавать себе отчета в том, что шанса остаться в живых у них не было - согласно технологии работы ежовских следователей первое звено цепочки признаний должно быть вне досягаемости для проверки. Комаровская свидетельствовала против своих студентов уже мертвая, Возняк, Пикульский и Грабосинский - стоя на краю расстрельного рва. 11 марта, вопреки всем правилам следствия, все тот же Смирнов написал новое обвинительное заключение по делам лиц, уже приговоренных к смерти. Прежним оставался лишь номер следственного дела - 3073, содержание же было подогнано под новую редакцию мифа о “контрреволюционном заговоре” польских студентов.

“Союз польских патриотов”

В течение первой половины марта повальные аресты студентов польской национальности прошли во Всехсвятском и Даниловском студгородках, в других общежитиях столицы. В целях экономии времени арестованных собирали по несколько человек, а затем отправляли на одной машине в тюрьму. Во всех следственных делах с номером 3073 уже первый протокол допроса содержал необходимые следователям признания. В ряде случаев между датой ареста и датой этого протокола проходила неделя. Можно себе представить, каким пыткам и какому моральному давлению подвергался за это время человек, отказывавшийся подписать самооговор. Станислав Мятаж - один из немногих польских студентов, которому удалось пройти лагеря и выжить, вспоминал полвека спустя, что “за отказ подписать показание мне поломали ребра и свернули челюсть”.

Материалы следственных дел позволяют реконструировать не только детали технологии следствия, но и их хронологическую последовательность. Смирнов, превратившись из палача в жертву, на одном из допросов рассказал следующее: “На один из допросов пришел начальник четвертого отдела Персиц и спросил арестованного, как по-польски называется “Союз польских патриотов”. Обвиняемый перевел это Персицу. Тогда Персиц спросил, а как называлась Ваша организация, и арестованный сказал: “Союз польских патриотов”. Фактически название этой антисоветской группы было приклеено Персицем. Я лично этому не препятствовал и в дальнейшем дело развертывали как организацию “Союз польских патриотов””⁹.

Впервые это название всплывает в справках на арест, выписанных 4 марта 1938 г. В датированных тем же днем допросах оно дается на польский манер - “Звензек польских патриотов”, но уже на следующий день “звензек” исчезает - он звучал не так серьезно, как например, “Титлерюгенд”, разработка тайной ор-

---

⁹ Там же.

ганизации которого в Москве велась все тем же седьмым отделением параллельно с польским делом¹⁰.

Стандартные, дословно повторявшиеся формулировки вопросов и ответов в делах членов “Союза польских патриотов” подтверждают известный факт, что протоколы допросов готовились следователями заранее. Несмотря на это, цепочка взаимной вербовки все время обрывалась, сами завербованные лишь в 1938 г. студенты порой вербовали своих товарищей еще в 1936-м. Попытка исследователя выстроить какую-то логическую цепь в череде обвинений также обречена на неудачу. Можно отметить лишь приблизительное соблюдение работниками НКВД профессионально-отраслевого принципа.

В шпионаже обвиняли только тех поляков, которые учились в военных вузах. Студенты-медики готовились к бактериологическим диверсиям, ветеринары должны были заниматься выбраковкой лучших лошадей. Самым популярным в условиях всеобщей военной подготовки советской молодежи стало обвинение в подготовке покушения на Сталина и его соратников, для чего достаточно было несколько раз оказаться в стрелковом тире.

Боевая группа “Союза польских патриотов” должна была под видом осовиахимовцев пронести оружие на Красную площадь во время демонстрации 7 ноября 1937 г. и дать залп по стоявшим на Мавзолее руководителям. Чтобы не промахнуться, Пиккульский был устроен Комаровской инструктором Осовиахима на завод “Каучук”, где усердно тренировал своих друзей стрельбе из положения стоя.

Центральная тема была дополнена несколькими вариациями: “мы должны были выследить машину Сталина и при выезде из ворот Кремля совершить террористический акт путем нескольких выстрелов из револьверов по его машине”, значится в протоколе допроса Вертиховского от 4 мая. Было еще предложение убить членов Политбюро при их выходе из Большого театра. Оружия ни у кого не было, всем “обещали принести его накануне”.

Общим местом в протоколах допросов было “ослабление советского тыла в период войны Польши с СССР. Поэтому необходимо вызывать искусственным путем массовое недовольство населения, для чего члены организации должны поджигать продовольственные склады и базы снабжения городского населения, отравлять водоемы и заражать инфекционными заболеваниями места общего пользования” (допрос Марцоня от 9 марта).

31 марта Якубович подписал обвинительные заключения на всех арестованных “второй волны”, и после этого наступило неожиданное затишье. Если в марте доходило до десяти «признательных» протоколов в день, то в апреле уже практически не велось никаких следственных действий по отношению к польским студентам. Как представляется, конец дальнейшему разворачиванию дела о “Союзе польских патриотов” был положен снятием с работы и последующим арестом

---

¹⁰ H.Dehl, N.Mussienko. “Hitlerjugend” in der UdSSR? Zu den Hintergruenden und Folgen einer NKWD-Faelschung 1938. - Beitrage zur Geschichte der Arbeiterbewegung, 1996, H.1, S.76ff.

руководителей Московского управления НКВД. Почва зашаталась под ногами всей вертикали их подчиненных. Стремясь оградить себя от обвинений в “липачестве”, Смирнов заново переписал агентурную разработку “Союзники”, насытив ее свежими деталями. Впрочем, это лишь на время отсрочило его арест.

В начале мая дело № 3073 попало на контроль новому начальству, однако корпоративные интересы работников НКВД заставляли их прятать концы в воду даже там, где невиновность обвиняемых была очевидна. В следственном деле Вертиховского сохранился интересный документ - записка заместителя начальника четвертого отдела Шейдина, адресованная своим подчиненным из седьмого отделения:

“1. Вертиховский показывает, что Скупинский поручил ему сделать террористический акт, а Скупинский не допрошен [...]

4. В деле не отражено: зачем Скупинский называл Вертиховскому участников организации. Зря, ради любопытства, такие вещи не говорят. Допросить обоих”.

Аналогичные корректуры для придания следствию хотя бы отдаленного правдоподобия предлагалось провести и в отношении остальных членов “Союза польских патриотов”. В начале мая состоялись их очные ставки между собой, протоколы которых были написаны буквально под копирку. Отказы обвиняемых от дачи показаний или отрицание ранее сделанных признаний просто не заносились на бумагу. Так, допрошенный в 1953 г. Станислав Мятаж заявил, что в ходе очной ставки 7 мая 1938 г. с Иосифом Загурским последний отказался признать какое-либо участие в тайной организации, однако протокола этого допроса нет ни в одном из двух следственных дел.

Подручные Ежова спешили - дело № 3073, слепленное наспех, в момент пика массовых репрессий, грозило развалиться. Не случайно вопреки всем нормам процессуального права оно велось разными следователями, так и не попытавшись выявить общую картину “националистической шпионско-террористической организации”.

16 мая 1938 г. “альбомный” приговор комиссии наркома внутренних дел и прокурора СССР за номером 1144 и подписями Ежова и Вышинского подвел последнюю черту под жизнью 184 человек. За малым исключением в нем оказались все польские студенты, записанные фальсификаторами с Лубянки в члены “Союза польских патриотов”. Также вместе десять дней спустя они были привезены на место расстрела. Револьверные выстрелы комендантской команды Московского управления НКВД превратили 26 мая в “польский день” на полигоне смерти в Бутово. В тот день там было расстреляно 216 человек - весьма будничный показатель для места, где за 14 месяцев 1937-1938 гг. оказалась погребенной почти 21 тысяча жертв сталинского террора¹¹.

---

¹¹ Бутовский полигон 1937-1938. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 1997, с.347-348.

Особая судьба Яна Заранека

Среди привезенных в Бутово на расстрел польских студентов не оказалось Яна Заранека. 8 мая его отправили в областную тюремную больницу - он был болен туберкулезом и в перенаселенной камере болезнь стала прогрессировать. Карательные органы проявили заботу о лечении приговоренного к смерти - 22 июня 1938 г. Московское управление НКВД дало разрешение на проведение Яну Заранеку хирургической операции. Выздоровление шло медленно, и он оставался лежать в 14 палате так называемого “следственного корпуса” больницы.

В это время аппарат НКВД потрясали реорганизации, секретно-политический отдел управления госбезопасности стал “особым”¹². Начавшаяся с приходом Берии чистка в рядах сотрудников аппарата добавила неразберихи. Давно закончился предельно допустимый срок содержания Заранека под стражей, и с его выздоровлением персонал тюремной больницы забил тревогу. Врачи вырвали больного из лап смерти, но не из цепких рук карательных органов. Таганская тюрьма отказывалась принять обратно “неоформленного” заключенного, в бывшем четвертом отделе не обращали внимания на “мертвую душу”, давно уже приговоренную к высшей мере наказания.

В середине ноября 1938 г. в органы НКВД пришел приказ о приостановке всех не исполненных к тому времени расстрельных приговоров. Заранек, как и тысячи ждавших вывода на расстрел “смертников”, вряд ли догадывался о том, что Сталин запланировал новую сюжетную линию в сценарии государственного террора. Сменивший Ежова Берия должен был стать символом его “послабления”.

Тем временем запросы из больницы продолжались. 28 января 1939 г. по делу Заранека фактически началось новое следствие. На первом же допросе после годичного перерыва он отказался от своих первоначальных показаний, заявив, что они были выбиты у него “в результате незаконных методов следствия”. Времена изменились - вместо вольной фальсификации следователю пришлось заняться поиском компромата. Однако допросы свидетелей - соседей по коммунальной квартире - также не дали информации об антисоветской деятельности польского студента.

Признаваться в собственных ошибках, а тем более в преступлениях против собственного народа - это было не в правилах советской тайной полиции. Заранека следовало любым способом “подвести под статью”. В обвинительном заключении от 17 марта 1939 г. вновь фигурировала принадлежность к “Союзу польских патриотов”, основанная на показаниях годичной давности, от которых Заранек уже отказался. Через день ему дали ознакомиться со следственным делом - все там же, в палате тюремной больницы.

---

¹² См. А.Кокурин, Н.Петров. НКВД: структура, функции, кадры (1934-1938). - Свободная мысль, 1997, № 6-7.

По неизвестным нам причинам судьба вновь оказала милость тяжело больному студенту. Направление его дела на Особое совещание было датировано лишь концом июня, в нем отмечалась “социальная опасность обвиняемого” и “недостаточность свидетельских показаний для передачи дела в суд”. К этому моменту кампания борьбы с наследием “ежовщины” в органах внутренних дел достигла своего апогея. Военной прокуратуре была поручена проверка дел тех жертв “большой чистки”, кто волею случая продолжал находиться под следствием. 27 ноября 1939 г. дело было прекращено за недоказанностью обвинения и Ян Заранек оказался на свободе.

Мы не знаем, какой отрезок жизни был отпущен ему после полутора лет тюремно-больничного заключения. Известно лишь, что 26 мая 1941 г. его вновь допросили в связи с делом “Союза польских патриотов”, и он вновь подтвердил, что признание 13 марта 1938 г. из него выбили силой. Освобождение Заранека не привело к пересмотру нескольких десятков дел под общим номером 3073 - расстрелянным на бутовском полигоне польским студентам еще более двух десятилетий пришлось ждать посмертной реабилитации.

На этом можно было бы закончить эту трагичную историю, если бы не одно обстоятельство. Ровно через пять лет после того, как фантазия ежовских палачей вызвала к жизни “Союз польских патриотов”, он появился вновь - на сей раз как реальное объединение польских коммунистов, остававшихся в Советском Союзе и переживших все ужасы репрессий. По мысли сталинских стратегов в международном отделе ЦК ВКП(б) новая структура должна была стать ядром государственной власти после освобождения Польши, противопоставляя себя правительству Сикорского. Злая ирония истории объединила в одном названии два сюжета, имевших противоположное значение для судеб поляков, искренне веривших в то, что они нашли в СССР свою новую родину.

Польские студенты - члены “СПП”, репрессированные в 1937-1938 гг.

В списке приводятся данные лишь на тех лиц, по которым существует документальное подтверждение их репрессирования как членов “Союза польских патриотов”. Дела на еще нескольких польских студентов, фамилии которых упоминались в протоколах допросов и обвинительных заключениях, пока не поступили в Государственный архив Российской Федерации.

В скобках указан номер архивно-следственного дела, если он известен. В датах 1938 года упоминание года опускается. Указывается год и место рождения, место учебы или работы на момент ареста.

- *Арцишевский* Александр Станиславович (26108) - 1916, г.Москва, студент Московского института инженеров транспорта, арест 16 марта, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Блонский* Антон Адольфович (26110) - 1906, пос. Курчевский Киевской области, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Бодзишевский* Франц Иосифович (п-59185) - 1906, г.Новгород-Волынский Житомирской области, слушатель фельдшерской школы при больнице им.Боткина, арест 5 марта, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Вертиховский* Иосиф Петрович (п-57541) - 1917, дер. Елькучино Круглянского района БССР, студент рабфака им.Ленина, арест 4 марта, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Возняк* Евгений Вацлавович (п-43453) - 1908, г. Днепродзержинск, студент Военно-ветеринарного института, арест 1 ноября 1937 г., приговор 15 февраля, расстрел 10 марта.

- *Гольчевский* Нарцисс Тадеушевич (п-65094) - 1909, село Осичка Киевской области, выпускник рабфака им.Ленина, спиральщик завода “Каучук”, арест 10 марта, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Горецкий* Константин Станиславович (п-63939) - 1915, село Котюржинцы Винницкой области, студент военного факультета Академии связи, арест 3 марта, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Грабовский* Фаустин Станиславович (п-64899) - 1908, село Мархлевка Винницкой области, студент 1-го медицинского института, арест 28 февраля, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Грабосинский* Иван Каспарович (п-64908) - 1912, село Сальчинцы Винницкой области, студент Военно-ветеринарного института, арест 1 ноября 1937 г., приговор 15 февраля, расстрел 5 апреля.

- *Дембо* Чеслав Валерианович - 1915, г.Проскуров Винницкой области, студент Технического института им.Баумана, дата ареста неизвестна, приговор 24 июня к восьми годам исправительно-трудовых лагерей, 2 февраля 1939 г. в лагере умер.

- *Древняк* Иосиф Петрович (п-60048) - 1916, дер.Средняя Киевской области, студент рабфака им.Ленина, арест 28 февраля, приговор 16 мая, расстрел 26 мая 1938 г.

- *Дуневич* Фердинанд Леонтьевич (п-56134) - 1915, г. Проскуров Винницкой области, студент музучилища при Московской консерватории, арест 4 марта, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Загурский* Иосиф Юлианович (п-59771) - 1917, село Городок Винницкой области, студент Московского института инженеров транспорта, арест 28 февраля, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Заранек* Ян-Владислав Францевич (п-34523) - 1915, г. Севастополь, студент рабфака им.Ленина, арест 5 марта, приговор к расстрелу 16 мая, освобожден из-под стражи 29 октября 1939 г.

- *Зинкевич* Антон Эдуардович (п-56870) - 1915, село Старево Слуцкого района БССР, студент рабфака им.Ленина, арест 5 марта, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Каленковский* Петр Семенович (29087) - 1909, г.Варшава, расстрел 10 марта.

- *Калиновский* Иосиф Антонович (п-59777) - 1909, село Мархлевка Винницкой области, студент 2-го Медицинского института, арест 28 февраля, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Козаренко* Станислав Андреевич (п-72850) - 1909, село Адамовка Киевской области, студент Московского строительного института, арест 2 апреля, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Колюда* Болеслав Бронеславович (п-56883) - 1914, село Городок Винницкой области, слушатель курсов полярных работников “Севморпути”, арест 9 марта, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Колюда* Эдуард Иванович (п-59256) - 1910, село Мархлевка Винницкой области, в 1934 г. студент рабфака им.Ленина, затем каменщик Метростроя, арест 11 марта, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Комаровская* Янина Ивановна (п-52550) - 1890, член ВКП(б) с 1918 г., заведующая польским отделением рабфака им.Ленина арест 21 сентября, приговор 1 декабря, расстрел 22 декабря 1937 г.

- *Кохманевич* Августин Николаевич (п-64954) - 1915, село Мархлевка Винницкой области, студент Института механизации и электрификации Сельхозакадемии, арест 3 марта, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.
- *Кохманевич* Станислав Николаевич - 1918, село Мархлевка Винницкой области, студент рабфака им.Ленина, арест 5 марта, приговор 2 июня к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.
- *Макаревич* Станислав Станиславович (п-59896) - 1914, село Заямочное Минского района БССР, студент рабфака им.Ленина, арест 4 марта, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.
- *Марцонь* Витольд Иванович (п-59255) - 1912, г.Проскуров Винницкой области, в 1934 г. студент рабфака им.Ленина, затем электромонтер завода “Красная Пресня”, арест 9 марта, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.
- *Мыслицкий* Станислав Иванович (п-64907) - 1915, дер.Степуры Копыловского района БССР, студент Химико-технологического института, арест 3 марта, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.
- *Мятеж* Станислав Станиславович (п-28700) - 1913, д.Лукаши Дзержинского района БССР, студент Московского института инженеров транспорта, арест 10 марта, приговор 2 июня к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, с 1953 г. проживал в г.Сумы.
- *Олифер* Станислав Иванович (п-72098 - проверить) - 1908, г. Днепродзержинск, студент Института механизации и электрификации сельского хозяйства, арест 28 апреля, приговор 2 августа, расстрел 10 августа.
- *Парфианович* Эдуард Иванович (п-40548) - 1914, г.Вильно, студент Московского института инженеров транспорта, арест 11 марта, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.
- *Пикульский* Иван Александрович (п-65101) - 1912, дер.Заборо-Давыдовка Киевской области, студент Кредитно-экономического института, арест 7 октября 1937 г., приговор 15 февраля, расстрел 14 марта.
- *Пичман* Станислав Карлович (п-72847) - 1912, село Бронница Киевской области, студент Индустриально-педагогического института им.К.Либкнехта, арест 22 марта, приговор 2 июня к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, умер на Колыме 25 января 1944 г.

- *Сивец* Бронислав Лукьянович (п-64898) - 1911, село Городок Винницкой области, студент Кредитно-экономического института, арест 28 февраля, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Скиба* Марьян Валерианович (п-65175) - 1911, село Бронница Киевской области, студент 2-го Медицинского института, арест 3 марта, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Скупинский* Станислав Николаевич (п-44041) - 1911, село Уланово Винницкой области, студент рабфака им.Ленина, арест 28 февраля, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Стацевич* Иосиф Михайлович - 1909, г.Днепродзержинск, студент Института механизации и электрификации сельского хозяйства, арест 11 марта, приговор 19 мая, расстрел 31 мая.

- *Стефанович* Константин Владимирович (п-56781) - 1916, поселок Стеклозавод Бобрыйского района БССР, студент рабфака им.Ленина, арест 4 марта 1938, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Чернецкий* Иван Альбинович (п-59680) - 1911, село Сербиновка Винницкой области, студент Военно-ветеринарного института, арест 28 февраля, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Шапельский* Людвиг Эдуардович (24434) - 1913, село Ологедаето Винницкой области, выпускник рабфака им.Ленина, рабочий на строительстве Дворца Советов, арест 17 марта, приговор 19 мая, расстрел 31 мая.

- *Яворский* Ленгин Марьянович (п-59257) - 1916, село Бусувно, Холмщина, Польша, студент рабфака им.Ленина, арест 28 февраля, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

- *Ягельский* Леон Францевич (п-54542)- 1915, г.Красноводск, студент рабфака им.Ленина, арест 4 марта, приговор 16 мая, расстрел 26 мая.

Упомянутые члены СПП без данных:

Денисюк Казимир - завербован Возняком
Домбский

Ищук

Косянчук Ф. - назван Грабосинским 27 февраля

Легельбах - завербован Пикульским

Свинковский

Сикорский Владимир (или Владислав) - 1912, г.Проскуров, с 1933 г. на рабфаке, студент Академии ВВС, 1938 арест - со слов Мятажа в 1987 г.

Юхимович Адам Константинович (24511) - арестован по показаниям Гольчевского.